

I

Сибирь просыпается –
весна, весна...
Ветра перекрёстные
гласят о даях.
Душа откликается –
и не до сна.
Она растворяется
в просторах алых...
В казацкой осёдлости –
уют, покой.
Но сердце казацкое
зовёт куда-то,
Где утро туманное
по-над рекой,
Костёр привечающий
и дым кудлатый...
Тайга неохватная –
как океан.
Несметны сокровища
в её глубинах.
Там угли горючие
и колчедан,
Там золото и серебро,
хрусталь, рубины...
Хребтами изрезана
Сибири синь.

13

В долинах неведомых –
речная вольность.
Гуляй в полноводие
с умом – не сгинь:
Утёсы, пороги там,
шальные волны...
Как любо и весело
и жизнь ясна,
И молодость просится
в поход удалый...
Сибирь просыпается –
весна, весна...
Ветра перекрёстные
гласят о даях.

II

10 декабря 1719 года
Император Пётр
поставил автограф на указе
«Об учреждении Берг-Коллегиума
для ведения в оном дел
о рудах и минералах».
Он гласит:
«Соизволяется всем,
и каждому даётся воля,
какого б чина и достоинства ни был,
во всех местах,
как на собственных,
так и на чужих землях

искать, копать, плавить,
варить и чистить
всякие металлы,
сиречь: золото, серебро, медь,
олово, свинец, железо,
также и минералов,
яко: селитра, сера, купорос, квасцы,
и всяких красок потребные
земли и камня...».

III

Из сопроводительной записки
Тобольского губернатора:
«Онй человек,
Михайло Волков,
на основании указа
Императора нашего
Петра Алексеевича
определён доносителем
о найденных во всех землях,
государевых
или чьих-нибудь,
без разбору,
металлах, также и минералах.
Всем государевым
и прочим людям
оказывать ему
всякое содействие».

IV

Из записки доносителя
Михайлы Волкова,
оставленной в Тобольске:
«Я – сын казачий
Михайло Волков
волею Божьей и императора
берусь изыскивать
ради укрепления
могущества российского
любые потребные для того
минералы.
Во славу Отечества
и достоинства рода своего
готов дело исполнять,
не щадя жизни,
верю и правдою».

V

По Оби да по Томи
С Томского острога

Лодка тянется с людьми
С православным Богом.
Весла ломают гребари,
Забирая воду.
Голубой простор вдали:
Казак – свобода!
На корме – казацкий сын,
С ним друзья, как в связке.
Только царь им господин,
Только Бог – указка.
Волков – молод, дюж, здоров,
Да и все, по сути:
Рудознатцы Костылёв,
Комаров, Инютин.
По тайге да по горам
Без тропы, ручьями
Им идти к таким местам,
Где бесценный камень,
Где рыжеет руд гряда,
Хрустали – как росы,
А в песке хранит вода
Золотую россыпь.
К ним – такой тяжёлый путь...
Одолеешь, если
Бог поможет как-нибудь
Да лихая песня.

VI

Ой ты, реченька-река,
Заждалася, что ли?
Без тебя кругом тоска,
А с тобою – воля!
Без тебя в суме – дыра:
Всё долги, потери,
А с тобой – добра гора:
Полно рыб и зверя.
Без тебя – глухой острог
Али лютый барин.
А с тобой – простор широк –
Жить да быть в ударе.
Без тебя – кандаальный звон,
Руднекова яма,
А с тобою – крепкий сон,
Да и смерть без сраму.
Ой ты, реченька-река,
Заждалася, что ли?
Без тебя кругом тоска,
А с тобою – воля!

VII

Первый день – поколобродили
По болотам, соснякам...

Разлились ручьи до одури:
Не пройди ни здесь, ни там.
Воды глинистые, жёлтые
Вышли все из берегов,
Валунами ловко ботая,
Рвя, круша лесной покров.
Казачи встречали разное...
Хоть давно намётан глаз,
Обходя размывы грязные,
Искупались, и не раз.
Видя, что лучами-стразами
Иссякает день земной,
Приостывшие, чумазы
Поспешили в лагерь свой.
Ну а там уже медведишка,
Чуя, близко мужики,
Лодку их, ворча, как бабушка,
Драл у берега реки...
Пару раз пальнули кремником –
Рявкнул зверь и убежал.
До харчей под хвойным венником
Не добрался – Бог не дал.

XI

«Друг сердечный обушок,
За вершиком возьмём вершок...
Ух какой зрачок чудесный –
Новый камешек – в мешок.
Щёлк да щёлк – попить чуток...
Шурф глубшеет – был бы толк.
Вот ещё забавный камень,
И блескучее, чем шёлк».
Костылёв берёт лоток,
Шолопает в нём песок –
Соберутся золотишки
В тонкий светлый волосок.
«Отдохнуть пора, браток:
Твой совсем промок платок,
Пóтом очи выедаёт,
И мои силёнки ёк...»

XII

Казачи сидят в реке –
Сушь, жарынь тугая...
А Михайло належке
Берег обегает.
Зорко смотрит на бугры
Да на обнаженья,
Где природные дары –
Божьи одолженья.

Помолясь, бери скорей
Для благого дела...
Верно, Богу Русь милей,
Нету ей предела.
Значит, нужно, не лентясь,
Возлюбя просторы,
Утверждать с Всевышним связь
Здесь, где дол и горы.

XIII

«Меж камней пещера, что ли?»
Ближе, ближе... Так и есть:
Кем-то брошенная штольня,
Бережок, изрытый весь...
«Кто-то тут давно безбожно,
Крадучись, озорничал.
Посмотреть бы осторожно,
Кто и что из недр качал».
Запалил сучки Михайло
И вошёл в немую тьму.
Осветилась штольня вяло.
«Ничего тут не пойму...»
Сделал шаг, второй и третий...
А потом пошёл смелей.
Подстегнула кровь, как плетью.
«Что же там – узнать скорей...»
Вот забой – замшели камни –
Стал рукой перебирать,
Будто рядом под замками
Удивительная кладь...
Вдруг забой зашевелился,
Штольня будто ожила,
Свет на выходе зашился,
Кровля села – вот дела...
Догорели ветки – бросил...
Тьма сдавила. «Боже ж мой,
Вот попал, как мальчик, просто,
Хорошо, ещё живой!
Что же делать, отгаребаться?
Рухнет всё – и мне конец.
Ждать... Отыщут штольню братцы.
Всё поймут... Сиди, глупец.
Нарушать закон негоже –
Одному дороги нет.
Согрешил я крепко, Боже,
Помоги увидеть свет...»

XIV

Казачкам тревожно стало:
«Волков где?.. Куда ушёл?»

Покричали – нет Михайла,
Берег пуст – нехорошо.
Вдоль пошли к белёсым скалам.
След привёл к чужим шурфам,
Повернул к горе с обвалом –
Ясно, Волков где-то там...
Подбежали, завопили:
«Жив, Михайло?! Щас спасём!».
Устье штольни закрепили
Местным кряжистым дубьём.
Камни выбрали сторожо,
Чтоб другие не пошли,
Щебень выгребли ладошкой,
Стойки в кровлю завели.
Вот и лаз образовался,
Душная осела взвесь.
Костылёв вперёд подался:
«Эй, Михайло, где ты есть?»

XV

Волков ждал... И вот позвали
В жизнь вернуться мужики:
Свет спасительный в завале.
«Жив я, братцы...» Как близки
Солнце, травы, лес и речка.
Устремился к ним казак.
Обожгли камня плечи –
Ерунда, такой пустяк...
За протянутые руки
Ухватившись, вышел вон.
Вновь родился!.. Не для скуки!
Заорал, вспугнув ворон:
«Ой вы, други дорогие,
Ой ты, славный Божий мир!»
И услышала стихия:
Отразил восторг эфир.

XVIII

Снова в лодке казаки –
Вёдро над рекой.
Бодры первые гребки,
И нескоро зной.
Томь прозрачна, весела,
Серебром волна.
Рыба, порскнув от весла,
Вглубь идёт, шальна.
Лось-горбач в воде стоит,
Смотрит на братеу,
Выводок чижей звенит,
Режет синеву.

Видно ясно, далеко.
Берега в сосне.
Песня птицею легко
Тонет в вышине.

XX

Справа – таволга в «снегу»,
Дальше – взгорье, то ещё...
А на левом берегу –
Шорское становище.
На поляне обжитой –
С казын белоствольною
Юрт срубных под берестой
Полукружье вольное,
Тропка с выходом к реке,
В ней – долблёнки старые,
Детки вьются на песке
С лайкою поджарою.
А на камне небольшом
Спит старуха ветхая...
Мирно здесь и хорошо –
Сторона приветная.
Ловят рыбу, скот пасут
Берендеи здешние...
Тут всегда найдут приют
Казак забредшие.

XXI

«Было... Видишь ли, Михайло?
То – история родов...»
Плат шаманки буро-алый
Весь в подпалинах, не нов.
Волос спутанный змеится,
Непокорен и упрям.
А хозяйка-волшевица
Что-то сыплет по углям.
Молода, собой красива,
Родовой огонь в очах,
Но ничуть не суетлива,
Мудрость древняя в речах.
Смотрит зорко, видит много...
Изменилась вдруг в лице.
Отразилась в нём тревога:
«Та гора – в глухом кольце.
Не пускают духи близко –
Не ходи туда, казак».
Поклонился Волков низко:
«Не пойти нельзя никак.
У меня судьба такая:
Службу честно исполнять

И понять, чего не знаю.
А судьбы – не миновать...»

XXIII

Шаманка бубен поднимает.
И он откликнулся неспешно,
Вздыхнул, как будто пробуждаясь.
Потом заговорил негромко,
....
Миров иных открылись двери.
И тотчас ожило пространство –
Услышан дробный голос бубна...
Шаманка духов призывает,
Чтобы представить человека
С душою праведного мужа
И приоткрыть живую тайну,
Что пришлый человек невольню,
Не ведая о том, коснулся
Её испытанного сердца...
Душа шаманки растворилась
В гармонии священной звуков.
И ступни почвы не касались,
Не чувствовали жарких углей.
Внимали духи откровенью
И в пламени костра стояли,
Бушующем как при рожденьи
Земного мира, тварей бранных...
И человек, им незнакомый,
С его тревожною судьбою
И мирным благородным сердцем,
Наполненным любовью к свету,
К всему, что создано Всевышним,
Понятным стал для них и близким.
Тому залогом стало сердце
Шаманки, признанной Ульгеном.

XXIV

Встал Михайло рано очень,
Помолился у реки
И, омыв неспешно очи,
В стан вернулся... Казаки
Бледный уголь раздували,
Волков бросил им кукан
Со вчерашней рыбой вялой
И промолвил:
«День мне дан...
Утро ясное какое,
И роса благоволит...
Всё-то видно над рекою.
А гора?... Гора дымит...
Не судите, братья, строго,

Сам, один, взберуся к ней...
Хоть в иного верим Бога,
Шорское чутьё верней.
Тут они душою слышат,
Видят опытом своим
И всегда помогут пришлым,
Если доверяют им.
Не простой народ, мудрёный,
Черневой тайги в нём суть...
Я-то – ими очищённый:
Только мне открылся путь.
Зря не буду торопиться –
Не боитесь за меня.
Штольня снова не случится...
А вернусь на склоне дня».

XXV

Пробирается Михайло
Через лес по крутояру,
Обходя гнилой валежник,
За кусты, стволы держась.
Поднимается всё выше...
Стал кончатся ельник старый,
Набежали вдруг берёзки,
Юно, весело ветвясь.
А камня порыжели,
Рассыпаться стали прахом,
Будто сильно прокалилась
Здесь песчаника гряда.
Отстегнул топор Михайло,
Оголил осинку махом,
Обтесал и сделал пику:
Без неё тут никуда...
Пред собой долбя горельник,
Медленней пошёл он в гору,
Зоркий, как таёжный коршун,
Чуткий, как сторожкий лис...
Нос закрыв рубахой потной,
Чуть дыша – першило в горле,
Подошёл к дымам обильным
И увидел странный мыс:
Монолитный, одинокий
В сизом мареве маячит.
В трёх шагах Михайло замер...
Ветерок ему подул,
Будто кто шепнул на ухо:
«Не ступай туда, казаче».
Пикой мыс толкнул Михайло –
И раздался тяжкий гул...
«Благодарствую, Ветрило», –
Прохрипел казак спасённый.

Обошёл провал он горный,
Вышел к пышущим углям:
Без древес чадят камня,
И черней они, чем ворон.
В глубину пластом уходят,
Их запас несметен там...
«Вот так диво, вот так чудо!
Жар какой – металл расплавит! –
В удивлении великом
на колени пал казак. –
Про горючий этот камень
Много сказов, много славы...
Ты нашёл второе золото:
Бронь России и очаг!»
Снял Михайло мех заплечный,
«Можно...» тихое услышал.
Уложил в мешок степенно
Блесткий камень вороной.
Встал лицом к Томи и молвил:
«Ну спасибо всем, кто слышит!
За заботу и подарок
От меня – поклон земной!»

XXVI

Из журнала регистрации
доносов рудознатцев
в Уральской канцелярии
Берг-коллегии:
«Реестр руды
№ 1 – уголь каменный из Томска
доносителя Михайлы Волкова,
№ 2 – руда железная
из Томского уезда
его же, Волкова».
Резолюция на донесении:

«В том реестре номера первого
показан уголь каменный из Томска
доносителя Волкова,
и о оном угле осведомить –
невозможно ль оттуда
водяным путём
к заводам или рудникам,
каким промыслам
возить и о том рапортовать».

ЭПИЛОГ

Вдоль тропы вздыхали ёлки,
Кедры вечностью дышали...
Шёл казак Михайло Волков,
Открывал за далью дали.
Далеко глядел сквозь время,
Испытания столетий.
Знал, оценит внуков племя
Все труды, исканья эти.
И шаги землепроходца
В бездне лет не канут глухо,
Сердце доблестное солнцем
Осветит просторы духа.
Города в свеченье чудном
Над рекой привольной встанут,
Возгордятся горным, рудным,
Трудовым высоким саном.
Будет кузнеца России
Меч ковать и мирный молот –
Взгляды спрячутся косые,
И отступит вечный холод...
Помним подвиг твой, Михайло:
Он – исток священный края.
И рассвет над Томью алый,
Как душа твоя живая...

